

PATTI SMITH

PATTI SMITH

JUST KIDS

ПАТТИ СМИТ

—♦—♦—♦—

ПРОСТО ДЕТИ

Перевод с английского Светланы Силаковой

*издательство АСТ
Москва*

УДК 821.111 (73)-94
ББК 84(7Сое)-44
С50

© фото на обложке, Gerard Malanga
Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Смит, Патти.

С50 Просто дети / ПАТТИ СМИТ; пер. с английского С. СИЛАКОВОЙ. — Москва: Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 368 с.

ISBN 978-5-17-086993-0

Патти Смит — американская рок-певица и поэт, подруга и любимая модель фотографа Роберта Мэпплторпа. В своих воспоминаниях она рисует точный и в то же время глубоко личный портрет эпохи. Нью-Йорк конца шестидесятых — начала семидесятых, атмосфера “Фабрики” Энди Уорхола и отеля “Челси”, встречи с великими поэтами-битниками и легендарными музыкантами — все это неразрывно переплетено с историей взросления и творческого роста самой Патти, одной из самых ярких представительниц поколения. “Просто дети” — это не только бесценное свидетельство о времени и щемящее признание в любви ушедшему другу. Это глубокая, выверенная, образная проза поэта, выходящая далеко за рамки мемуарного жанра.

УДК 821.111 (73)-94
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-086993-0

© 2010 by Patti Smith
© С. Силакова, перевод на русский язык, 2011
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011
© ООО “Издательство Астрель”, 2011
Издательство CORPUS ®

Содержание

Предисловие	9
Рожденные в понедельник	11
Просто дети	49
Отель “Челси”	121
Разными дорогами вместе	279
За руку с Богом	341

*О Роберте сказано много, а будет сказано еще больше.
Юноши будут подражать его походке. Девушки будут
надевать белые платья и оплакивать его кудри.
Его будут проклинять и боготворить. Осуждать или
романтизировать его крайности. В итоге правду о нем
узнают через его творчество: произведения
художника — это и есть его материальное тело.
Тело, которое не чахнет. Тело, которое люди судить
не властны: ведь искусство поет о Боге и,
по большому счету, только Ему и принадлежит.*

Предисловие

ОН УМЕР, ПОКА Я СПАЛА. Я звонила в больницу, чтобы в очередной раз пожелать ему спокойной ночи, но он забылся, погрузился на дно, под толщу морфия. Я прижимала трубку к уху и слушала с того конца провода его тяжелое дыхание, зная: слышу в последний раз.

Потом тихо разложила по местам свои вещи: блокнот, авторучка. Чернильница из кобальтового стекла — его чернильница. Моя чаша Джамшида¹, мое “Пурпурное сердце”², коробочка с молочными зубами. Я медленно поднялась по лестнице, пересчитывая ступени, все до одной, насчитала четырнадцать. Укрыла одеялом малышку в колыбели, поцеловала спящего сына, легла рядом с мужем, произнесла молитву. Помню, как прошептала: “Еще жив”. И заснула.

Проснулась рано и, спускаясь по лестнице, осознала: его не стало. Полную тишину в доме нарушал только теле-

1 Чаша Джамшида — волшебный предмет из персидской мифологии. В этой чаше, как в зеркале, отражается весь мир. (Здесь и далее — прим. перев.)

2 “Пурпурное сердце” — воинская награда в США; вручается за одно боевое ранение.

визор, не выключенный с вечера. Какой-то канал классической музыки. Какая-то опера. Меня словно магнитом притянуло к экрану в тот момент, когда Тоска горестно и пылко признавалась в страстной любви к Каварадосси. Утро было холодное: март. Я надела свитер.

Подняла жалюзи, и кабинет озарился светом. Расправила плотное льняное покрывало на своем кресле, выбрала на полке книгу — альбом Одилона Редона, раскрыла на картине с женщиной в море: огромная голова над водой, маленькое море. “Les yeux clos”¹. За сомкнутыми бледными веками — никому не ведомый мир. Телефон заверещал, я встала, подняла трубку.

Звонил младший из братьев Роберта, Эдвард. Сказал: напоследок, как обещал, поцеловал Роберта от меня. Я застыла, где стояла, окаменела; потом медленно, сомнамбулически вернулась на кресло. И тут Тоска запела гениальную арию “Vissi d’arte”. “Я жила ради любви, я жила ради искусства”. Я прикрыла глаза, сложила руки на груди. Провидение само решило за меня, как мне с ним проститься.

1 “Закрытые глаза” (*фр.*) — название картины.

РОЖДЕННЫЕ
В ПОНЕДЕЛЬНИК

КОГДА Я БЫЛА СОВСЕМ МАЛЕНЬКАЯ, МАМА водила меня гулять в парк Гумбольдта на берегу реки Прери. В моей памяти запечатлелись размытые, точно на стеклянных фотопластинках, картины: старинный павильон лодочной станции, круглая эстрада-“ракушка”, каменный арочный мост. Река текла по узкому руслу, а потом широко разливалась, и там, на глади лагуны, я увидела особенное чудо: платье из белых перьев, тянется вверх длинная изогнутая шея.

“Лебедь”, — сказала мать, заметив мой восторг. Существо рассекало блестящие воды, хлопая огромными крыльями, пока не взмыло в небо. Его имя ни капельки не выражало его великолепия, не передавало чувств, которые во мне всколыхнулись. Во мне проснулась потребность, которой я даже названия не знала, — желание рассказать о лебеде, о том, какой он белый, как движется, словно взрываясь на ходу, как медленно всплескивает крыльями. Лебедь слился с небом, а я никак не могла подобрать слова, чтобы описать свое впечатление. “Лебедь”, — недовольно повторила я, и в груди у меня защемило: зародилось непонятное томление, незаметное ни прохожим, ни матери, ни деревьям, ни облакам.

Я родилась в понедельник, в Чикаго, на Норт-Сайд, во время Великой Снежной Бури 1946 года. 30 декабря. А надо бы днем позже: младенцы, которые появлялись на свет 31 декабря, прибывали из роддома с приданным — новым холодильником. Как мама ни силилась удержать меня в животе, роды начались прямо в такси, которое еле ползло по берегу озера Мичиган через снежную круговерть. Если верить отцу, я родилась тощая и долговязая и тут же заболела бронхопневмонией, и папа меня выхаживал, держа в клубках папа над тазом с кипятком.

В 1948-м, в дни новой снежной бури, на свет появилась моя сестра Линда. Я была вынуждена быстро оправдать надежды родителей на меня — старшую сестру. Мама была занята — подрабатывала, глядя на дому белье, а я сидела на крыльце дома, где мы снимали меблированные комнаты, и дожидалась последней в городе телеги с лошадьё — повозки торговца льдом. Торговец дарил мне ледышки, завернутые в оберточную бумагу. Одну ледышку я отложила в карман для сестреники. Потом полезла за ней — а ледышки-то и нету.

Когда мама была беременна в третий раз — ждала моего брата Тодда, мы покинули свое тесное жилище на Логансквер и переселились в Пенсильванию, в Джермантаун. Несколько лет прожили во временном жилье для военнослужащих и их семей — беленых казармах с видом на заброшенное поле, где буйно цвели полевые цветы. Мы называли поле Лоскутом, летом взрослые там посиживали: беседовали между собой, курили, пускали по кругу банки с вином из одуванчиков, а мы, дети, на поле играли. Мать научила нас играм своего детства: “Море волнуется”, “Третий

лишний”, “Цепи-цепи, вам кого?”. Мы плели венки из маргариток, носили их на шее, надевали на головы. По вечерам ловили банками светлячков, выдирали у них огоньки и делали светящиеся колечки.

Мать научила меня молиться — молитве, которой научилась у собственной матери. “Отче небесный, ко сну отхожу, И душу свою я Тебе предаю”. Когда смеркалось, я становилась на колени у своей кровати, а мать стояла рядом, смолила сигареты и внимательно слушала, как я повторяю за ней строки. Молилась я от всего сердца, но слова молитвы меня нервировали, и я донимала мать расспросами. Что такое душа? Какого она цвета? Я побаивалась, что моя душа — она ведь озорная — сбежит, пока я сплю, и больше не вернется. Потому-то я изо всех сил старалась не задремать, удержать душу в себе — на положенном месте.

Мама записала меня в библейскую школу — наверно, чтобы удовлетворить мое любопытство. Там зубрили наизусть стихи из Ветхого Завета и слова Иисуса. После занятия мы строились в шеренгу, и нас вознаграждали медом в сотах, который доставали ложкой из банки — одной на всех детей, а дети наперебой кашляли. От ложки я инстинктивно уворачивалась, но идею Бога приняла быстро. Мне было приятно воображать, что наверху над нами кто-то есть: он вечно в движении, точно жидкие звезды.

Детская молитва меня не устраивала, и вскоре я попросила маму: “Можно, я сочиню свою?” Какое же это было облегчение, когда уже не требовалось твердить: “И если, Боже, умру я во сне, возьми мою душу на небо к Себе”, а вместо этого высказывать все, что на сердце. Итак, мне дали волю, и, лежа на своей кровати у угольной печки, я упорно обращалась к Богу с долгими мольбами, беззвучно шевеля губами. Я страдала бессонницей и, верно, немало